Чокнутые

Автор:
Владимир Кунин

Чокнутые

Владимир Владимирович Кунин

Австрийский инженер Отто фон Герстнер отправляется в Россию, чтобы представить императору Николаю I амбициозный проект первых железных дорог. По пути в Москву к Герстнеру присоединяются отставной корнет Кирюхин, силач Федор Пиранделло с козой Фросей, сотрудник жандармского отделения Тихон Зайцев и таинственная девушка Маша. Министры во главе с князем Меншиковым пытаются сорвать планы авантюристов. Но как бороться с людьми, поведение которых не поддается элементарной логике?

Владимир Кунин

Чокнутые

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

?

В тридцатых годах прошлого столетия в Вене, рядом с собором Святого Стефана, существовал польский кабачок «Корчма Краковская».

Было раннее-раннее утро. У входа в еще закрытый кабачок стоял снаряженный к дальнему путешествию фиакр. На козлах дремал кучер.

Внутри кабачка, по обе стороны буфетной стойки, со стаканами в руках стояли Адам Ципровски – шестидесятилетний хозяин «Корчмы Краковской» и сорокалетний Отто Франц фон Герстнер в дорожном костюме. Он прихлебывал вино и говорил Адаму:

– Я отказался от места профессора в Праге, Адам… Я объездил Англию, Швейцарию, Францию, Бельгию и понял, что по-настоящему как инженер я смогу реализовать себя только в России! В стране, где есть спасительное самодержавие, а не наша слюнтяйская западная парламентская система… И если я представлю русскому императору проект железных дорог, соединяющих Черное море с Каспийским, а Балтийское с Белым, – у него голова закружится от счастья! Только в России талантливый иностранец может добиться свободы творчества, славы и денег! Прозит!

Герстнер приподнял стакан.

– Прозит! – Ципровски тоже поднял стакан. – Может быть, вы и правы. Но жить в чужой стране… Я – поляк, проживающий в Австрии. Я десять лет прослужил во французской армии. Я не погиб под Смоленском и умудрился остаться в живых при Бородино. Я восемь лет прожил в русском плену! У меня до сих пор есть одно маленькое дельце в России, с которого я по сей день имею небольшой дивиденд. За тот год, что я занимался с вами русским языком, я очень привязался к вам, и мне было бы жалко…

– Я тоже искренне полюбил вас, Адам. Но в Австрии меня ничто не удерживает. Я ведь даже не австриец Отто Франц фон и так далее. Я чех. Антонин Франтишек.

– Господин Герстнер! По тому, как вы быстро усвоили русский язык, я это понял еще полгода назад. Тем более что я тоже не очень-то Адам Ципровски. Уж если говорить честно, то я скорее Арон Циперович. Но вы же понимаете, в какое время и в какой стране мы живем… – Циперович посмотрел на часы: – Идемте, мне скоро открывать заведение. И вам пора уже ехать, безумный вы человек…

Хромая, Циперович повел Герстнера к выходу. У фиакра сказал:

– Учтите, Антонин, там вам будет очень нелегко. Россия – страна бесконечных и бесполезных формальностей.

– Не пугайте меня, Арон. Эта поездка должна стать делом всей моей оставшейся жизни. Прощайте!

– Да поможет вам Бог, – печально проговорил Арон.

Как только запыленный фиакр Герстнера пересек русскую границу, он тут же некрасиво и неловко заскакал по выбоинам и ухабам. Изящная конструкция экипажа угрожающе трещала при каждом подскоке, и когда потрясенные австрийские лошади встали, произошло маленькое чудо: что-то в фиакре лопнуло с томительным стоном, и он, уже стоявший без движения, развалился на мельчайшие части, погребая под своими обломками Герстнера, его багаж и берейтора со щегольским шамберьером!

А из слухового чердачного окна постоялого двора за всем этим наблюдал в подзорную трубу тайный агент Третьего жандармского отделения Тихон Зайцев…

?

В Петербурге, на Крестовском острове, в загородной резиденции князя Меншикова шло экстренное совещание.

– Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, – сказал светлейший князь Меншиков собравшимся у него в кабинете князю Воронцову-Дашкову и графам Бутурлину, Татищеву и Потоцкому. – Один из наших компаньонов, тайно сотрудничающий с Третьим отделением…

Тут светлейший углядел, как Воронцов-Дашков поморщился.

– Не извольте морщиться, князюшка! И почитайте за благо, что мы сегодня имеем информацию, которая завтра бы могла свалиться нам как снег на голову!.. Так вот, граф Бенкендорф получил шифровку из Вены: к нам едет австрийский инженер Отто Франц фон Герстнер. Он же чех Антонин Франтишек.

Без всякого «фон», фамилия та же. Он намерен представить государю проект устройства в России железных дорог и передвижения по оным при помощи паровых машин.

– Кошмар! – Все, кроме Потоцкого, были потрясены сообщением.

– Александр Христофорович, правда, распорядился установить за ним неусыпное наблюдение, но, как вы понимаете, из соображений чисто политических. Мы же со своей стороны…

– А нам-то что? – беззаботно удивился Потоцкий.

– Нам?! – возмутился Меншиков. – Да наше с вами акционерное общество почтовых колясок и дилижансов имеет от извозного промысла более ста миллионов рублей в год! И железные дороги Герстнера попросту лишат нас этого дохода! Это вы можете понять, граф?!

– Если разорятся владельцы постоялых дворов – с кого вы будете получать отчисления? – спросил Бутурлин.

– Боже мой… Погибнут мои конные заводы!.. Овес и сено катастрофически упадут в цене… – вздохнул Воронцов-Дашков.

– Да что там овес! Вылетят в трубу все придорожные питейные заведения! Трезвость станет нормой жизни, и мы только на этом потеряем миллионов пятьдесят!.. – ужаснулся Татищев. – А его величество так падок до всяких новшеств!

– Австрийца нельзя допускать до государя ни в коем случае! – вскричал Татищев.

– Правильно! – сказал светлейший. – Мы должны купить Герстнера. Купить и отправить его с полдороги обратно в Австрию с деньгами, ради которых он наверняка и прибыл в Россию! Это единственный способ сохранить доходы нашего акционерного общества. Так что придется раскошеливаться, господа!

– Я готов. – Потоцкий выложил на стол банкнот.

– Что это? – брезгливо спросил светлейший.

– Сто рублей!

– Щедрость графа не уступает его уму, – заметил Татищев.

– Сто тысяч надо собрать!!! – заорал Меншиков на Потоцкого. – И эти деньги Герстнеру повезете вы, граф! Сегодня же! Сейчас же!.. Вы помчитесь ему навстречу, вручите ему деньги и объявите наши условия! И проследите за его возвращением!..

Застряла пролетка Герстнера в непролазной грязи. Да не одна, десятка полтора – и телеги с грузами, и коляски, и дилижансы… Крики, ругань, ржание лошадей! Где мужик? Где барин?..

По колено в грязи, Герстнеру помогает толкать пролетку молодой человек очень даже приятной наружности.

– Эй, как тебя?! Погоняй, сукин кот! Заснул? – кричит он кучеру и командует Герстнеру: – Поднавались!.. Не имею чести…

– Отто Франц Герстнер. Инженер… – задыхается Герстнер.

Молодой человек, по уши в грязи, хрипит от натуги:

– Отставной корнет Кирюхин Родион Иванович.

– Очень приятно… – любезно сипит грязный Герстнер.

?

Упрямо ползет пролетка по раскисшей колее. А внутри с босыми ногами сидят Герстнер и Родион Иванович – отогреваются при помощи дорожного штофа.

Герстнер распаковал баул, показывает Родиону Ивановичу изображения паровоза Стефенсона, чертежи вагонов, профили железных шин, по которым все это должно двигаться.

Родион Иванович в восторге.

– Боже мой! Антон Францевич! Да я всю жизнь мечтал о таком деле! Да я из кожи вылезу!.. Наизнанку вывернусь!.. Это же грандиозная идея!!!

Схватил двумя руками гравюру с паровозом, впился в Герстнера горящим глазом, сказал торжественно, словно присягу принял:

– Вы без меня, Антон Францевич, здесь пропадете. А я клянусь вам служить верой и правдой во благо России-матушки, для ее процветания и прогресса.

Истово перекрестился и поцеловал гравюру будто икону…

Карета графа Потоцкого с лакеем на запятках катила по дороге.

В карете граф открыл ларец, оглядел толстую пачку ассигнаций в сто тысяч рублей, вынул из ларца добрую треть и спрятал ее в задний карман камзола…

Уютно закопавшись в придорожный стог, Тихон Зайцев проследил за пролеткой Герстнера и Кирюхина в подзорную трубу, вынул бумагу, чернильницу, гусиные перья и стал писать донесение: «Сикретно; его сиятельству графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Сего дни, апреля девятого числа в екипаж господина Герстнера поместился отставной корнет Кирюхин Родион сын Иванов двадцати шести лет от роду. По части благонадежности упомянутого Кирюхина…»

?

Герстнер и Родион Иванович обедали в придорожном трактире.

Неподалеку, за угловым столиком, Тихон хлебал щи, слушал.

– Шестнадцатилетний корнет… Мальчишеский восторг! Подъем чувств! – говорил Родион Иванович. – «Души прекрасные порывы…» Долой! Ура!.. «Свобода нас встретит радостно у входа…»

– О, вы поэт, – вежливо заметил Герстнер.

– Это не я. А как начали вешать за эту «свободу», как погнали в тюрьмы да в Сибирь… До смерти перепугался! Счастье, что меня тогда по малолетству не сослали, не вздернули. И понял я – кого «долой»? Какая «свобода»? Сиди и не чирикай. Разве в этом государстве можно что-нибудь… Да оно тебя, как клопа, по стенке размажет!..

– Ах, Родион Иванович…

– Просто Родик.

– Ах, Родик! Как я вам сочувствую!

Но Родик успокоительно подмигнул ему:

– Отдышался, огляделся… Батюшки! А ведь государство тоже не без слабостей!.. И оказалось, что если эти слабости обратить в свою маленькую пользу – и у нас можно жить очень припеваючи!

– Чем же вы сейчас занимаетесь, Родик? – спросил Герстнер.

– Путешествую, как видите. Скупаю мертвые души, исключительно для положения в обществе. Чтобы иметь достойное реноме. Изредка в провинции принимают за ревизора… Время от времени представляюсь внебрачным сыном великого полководца Голенищева-Кутузова… Сюжеты из собственной жизни за умеренную плату уступаю многим литераторам. Посредничаю… Но все в пределах правил. В рамках государственных законов, кои необходимо знать досконально!

?

К трактиру подкатила карета Потоцкого. Граф вышел из кареты, прижимая ларец к толстенькому животику. Навстречу богатому господину выскочил трактирщик. Граф что-то спросил у него. Трактирщик сразу провел его внутрь заведения и указал на столик Герстнера и Родика. Зайцев насторожился, вытянул шею…

Карета ждала Потоцкого у самых дверей трактира. Лакей услужливо держал дверцу кареты распахнутой.

И тогда раздался голос секретного агента Тихона Зайцева:

«Секретно. Его высокопревосходительству графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Настоящим имею сообщить, что в пути господина Герстнера посетили их сиятельство граф Потоцкий. Имели непродолжительную беседу. В суть оной беседы проникнуть не удалось, кроме как наблюдал проводы их сиятельства…»

С треском распахнулись трактирные двери, и Потоцкий, вместе с ларцом, по воздуху влетел из трактира прямо в собственную карету с такой силой, что пролетел ее насквозь и выпал на проезжий тракт через противоположную дверцу.

Встал, отряхнулся, и как ни в чем не бывало светски раскланялся с проезжавшей мимо дамой. Потом влез в карету и крикнул:

– Трогай!

В карете граф вытащил из заднего кармана заначку тысяч в тридцать и с великим сожалением вернул ее в ларец…

Дорогу пересекала быстрая неширокая речушка. Через нее было перекинуто некое строение, напоминающее мост. На берегу у моста стоял шалаш. У шалаша человек могучего телосложения доил грязную козу диковатого вида. Рядом лежали два мельничных жернова, соединенные длинным железным ломом.

Но вот гигант услышал скрип колес, чавканье лошадиных копыт, вскрикивание ямщика и сказал козе:

– Вот, Фрося, и наш рупь едет. Надо размяться.

Он встал, присел пару раз, легко выжал над головой чудовищную штангу из жерновов и отхлебнул козьего молока.

Из-за поворота показалась пролетка Герстнера и Родика. У моста ямщик осадил лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kunin_vladimir/choknutye

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити